

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.35>

Хазанкович Юлия Геннадьевна

РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТАРОЖИЛЫ: ФИЛОСОФИЯ "ПОМНЯЩЕЙ КУЛЬТУРЫ"

Этические представления, система ценностей русских арктических старожилов представляет слабо изученный материал. Цель работы определила сравнительно-исторический и типологический подходы к анализу фольклорных, этнографических данных по культуре и мифологическим воззрениям русскоустыинцев. Опора на теорию Я. Ассмана позволила актуализировать понятие "помнящая культура" применительно к аутентичной культуре русских арктических старожилов. В статье выявляется ценностная парадигма культуры, хронотопы бытия "досельных" людей. "Сендуха"-тундра и со-бытие с юкагирами сформировали особый тип культуры, который сохранил архетипические черты аутентичной культуры русских, уходящей корнями во времена "Мудреной Руси" XVI века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/35.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 171-175. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
15. Юджовски Е. Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/texts/2007/03/22-285.html> (дата обращения: 16.01.2019).
16. Barrat J. Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. N. Y.: St. Martin's Press, 2013. 206 p.
17. <https://vc.ru/flood/7027-palantir> (дата обращения: 15.04.2019).
18. Mathiesen T. Prison on Trial. Third English edition. Winchester: Waterside Press, 2006. 212 p.

HISTORY OF PANOPTICISM: FROM ORACLES TO PALANTIRS

Popov Dmitrii Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
DmitriVPopov@mail.ru

Technological progress is interpreted as the history of panopticism – the development of all-seeing and omniscience mechanisms intended to study human life. Panopticism practices evolutionized from pagan priests-oracles to gadgets-palantirs, which nowadays penetrate social space. New algorithms, providing numerous benefits, have their negative effects. Artificial intelligence systems can be a panacea or the humanity's last invention. Panopticism in its radical form can create human-unfriendly environment. Transparent palantirization world leads to dehumanization of the humanity.

Key words and phrases: biopolitics; panopticism; artificial intelligence; algorithm; rationality; palantir; human being.

УДК 13; 130.2

Дата поступления рукописи: 14.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.35>

Этические представления, система ценностей русских арктических старожилых представляет слабо изученный материал. Цель работы определила сравнительно-исторический и типологический подходы к анализу фольклорных, этнографических данных по культуре и мифологическим воззрениям русскоустыинцев. Опора на теорию Я. Ассмана позволила актуализировать понятие «помнящая культура» применительно к аутентичной культуре русских арктических старожилых. В статье выявляется ценностная парадигма культуры, хронотопы бытия «досельных» людей. «Сендуха»-тундра и со-бытие с юкагирами сформировали особый тип культуры, который сохранил архетипические черты аутентичной культуры русских, уходящей корнями во времена «Мудреной Руси» XVI века.

Ключевые слова и фразы: русские старожилы; Чикачев; тундра; православная вера; Арктика; Якутия; помнящая культура.

Хазанкович Юлия Геннадьевна, д. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТАРОЖИЛЫ: ФИЛОСОФИЯ «ПОМНЯЩЕЙ КУЛЬТУРЫ»

Через Слово фольклорное и повседневное русских арктических старожилых, запечатленное в художественно-публицистических сборниках Чикачевых, мы предлагаем исследовать философию «помнящей культуры» русских, проживающих в селе Русское Устье, на севере Якутии. Выбранный объект исследования – художественно-публицистические сборники А. Чикачева, чрезвычайно богатый материал для научных размышлений, потому что автору, по точному выражению писателя-почвенника Валентина Распутина, «не нужно вживаться в “досельность” – он происходит из нее...» [Цит. по: 15, с. 282].

Актуальность исследования определена тем, что культура Русского Устья многогранно изучена как лингвистический феномен (труды якутских ученых-диалектологов М. Ф. Дружининой, Н. Г. Самсонова, Т. А. Бердниковой и др.) [18]. Изустная традиция русскоустыинцев также была объектом внимания (труды С. И. Боло, С. Н. Азбелева, Ю. Н. Дьяконовой, О. И. Чариной и др.) [15]. Огромный вклад в краеведение внес русскоустыинец А. Г. Чикачев, его сын И. А. Чикачев и их сородичи, выступив информантами, тем самым продолжив дело, начатое в свое время политссылным В. Зензиновым [16; 17]. Между тем по сию пору нет работ культурософского содержания, нацеленных на осмысление русскоустыинских реалий – сакральных и повседневных, в контексте рассмотрения их как феноменов «помнящей культуры». Между тем такие работы востребованы самим временем: Арктика – объект стратегических и экономических интересов крупнейших держав, и в этой связи архиважно продвижение национальных проектов, нацеленных на возрождение Севморпути. Все это актуально с функциональной точки зрения при выработке стратегии и реализации государственной политики в сфере развития арктических территорий Республики Саха (Якутия). И здесь важно помнить не только о технологиях, ресурсах и рентабельности проектов, но и о человеке Арктики. Когда мы говорим о человеке Арктики, то прежде всего его образ ассоциирован с аборигенным населением азиатской Сибири – юкагирами, эвенками, эвенками, чукчами и др. Между тем не менее важно говорить о сохранении и развитии

культуры русских старожилов. Выявление и изучение «кодов» их духовной и повседневной жизни – базис в описании адаптивных стратегий этноса, сохранении русской культуры, русского языка и православной веры.

Отсюда следует и практическая значимость нашей работы: пока культура Русского Устья жива и не стала памятником истории, необходимо систематизировать и описать разрозненные материалы по «кодам» духовной и повседневной жизни аборигенов Русского Устья, которые объективированы посредством реальных, в том числе и языковых. Основная **задача** нашего исследования подчинена описанию формирования специфического русскоустынского национального самосознания и адаптивного опыта арктической цивилизации русских на Индигирке. Это, собственно, и определяет **научную новизну** нашей работы.

Прежде чем обратиться к «кодам» культуры русских старожилов, требует пояснения само понятие «помнящая культура». Оно принадлежит Я. Ассману, который вводит его для характеристики обществ, «обладающих культурной памятью». Теория Я. Ассмана о «помнящей культуре» применительно к аутентичной общности русских арктических старожилов позволит выявить составляющие коллективной идентичности коренного малочисленного народа Севера. Цель работы определила сравнительно-исторический и типологический подходы к анализу фольклорных и этнологических данных по культуре и мифологическим воззрениям русскоустыинцев.

Определение культуры русских старожилов Арктики, проживающих на севере Якутии, как помнящей, на наш взгляд, вполне корректно, – это «память, создающая общность» [1, с. 30; 11], без деятельности памяти немислимо ощущение времени [10, с. 142].

Формы передачи информации для сохранения своей идентичности весьма разнообразны, но любая из них раскрывает специфику культуры общности. Одной из ведущих форм является осознание и отношение русскоустыинцев к высказанному Слову как таковому. Обращение к нему «даст нам важное средство проникновения в арсенал архетипов и принципов, шкалу ценностей, что формируют национальную ментальность данного народа и его культуру» [7, с. 9].

Специфика Слова русскоустыинцев заключается в том, что русские арктические старожилы – носители и трансляторы православной веры. Причем вера эта сохранилась при тесном, кровосмесительном взаимодействии с народами-язычниками, например, народом с шаманистским мировоззрением – юкагирами. Сохранение православного мироощущения при тесном взаимодействии с шаманами, способными входить в измененное состояние сознания и путешествовать по вселенским мирам, качественно отличает ментальную картину мира русских старожилов от картины мира русских и картины мира аборигенных народов Арктики. Сохранились свидетельства, что якутские и юкагирские шаманы при выполнении шаманского камлания у русских старожилов сначала произносили православную молитву, крестясь на восток, а потом на родном языке звали духов-помощников [17, с. 89].

Отношение к Слову звучащему у русских старожилов Арктики особое. Так, в воспоминаниях о своем деде А. Чикачев писал: «Наш дед имел небольшую библиотеку. Старик строго следил, чтобы при чтении не было пропущено ни одного слова. Если кому-то случилось пропустить или исказить слово, он бесцеремонно останавливал... Такое строго консервативное отношение к слову, к точности его передачи было традицией и способствовало тому, что нашим предкам удалось сохранить и передать богатство древнерусского фольклора» [18, с. 18]. Безусловно, это определено памятью традиции – традиции не играть Словом, а также тем, что у слова есть охранительная функция. Искажение слов, тем более их утрата – недопустимы, за каждым словом социокультурная и бытийная стратегия: неискаженное слово противостоит хаосу, и оно – гарант сохранения космоса русской культуры «на пределе человеческого жительства, у границы ледяной пустыни океана» [Цит. по: 14, с. 3].

Постижение склада мышления русскоустыинцев – основа понимания самосознания и самопозиционирования русских вообще: «...все наши корни – и культурные, и духовные, и хозяйственные, и государственные, отсюда весь так называемый менталитет народа. Оттуда здравый смысл» [13, с. 182]. Ментальность русскоустыинцев определена традиционным коллективно-семейным укладом, укорененным в истории. Сплоченность – одна из ментальных черт русского характера, которая сохранилась в Русском Устье. Г. Гачев обозначил ментальность русских, подчеркнув, что «в бесконечном просторе России человек не может самостоять один... Человеку нужно знать-чувствовать свою принадлежность к какому-то целому – дома-семьи, села, страны». Помнящая культура русскоустыинцев хранит архетипическую оппозицию – свой/чужой. Интерес стариков о происхождении одного из самых известных русскоустыинцев – Алексея Чикачева – ментальная черта русскоустыинцев, живущих в среде аборигенных народов: «Когда я сообщал, что я внук Чихачева-Гавриленка, они недоуменно разводили руками. Когда я же уточнял, что моего деда еще звали Оболочкой, они радостно восклицали: “Знаю, знаю – ты внук Оболочки”. И начинались воспоминания...» [18, с. 17-18]. Внук Оболочки – свой, и уже от этого производная ментальная черта русскоустыинца как самопожертвование во имя продления жизни своего соплеменника, брата по крови и духу [2].

Село Русское Устье изначально было маркировано этнонимом – «русское», они стали частью этой местности, «а не национальности...» [12, с. 8]. Местность эта – река Индигирка и тундра-сендуха и др., а следовательно и они – люди Индигирки и сендухи. Так проявляется автохтонная культура русскоустыинцев, которая сохранила важнейшую врожденную ментальную черту, которую Г. Гачев обозначил метафорично: «Для русских Пространство более свойско...» [7, с. 19]. Что для европейцев было краем земли, то для русского аборигена Арктики этот гиблый край был *сендухой-матушкой*, которая нередко упоминается в русскоустыинских паремиях: «...сендуха кого и выручит, кого и выучит» [17, с. 42].

Культуру русских старожилов мы отнесли к помнящей культуре. Память – категория хронотопическая. С категорией времени у русскоустыинцев отношения особые. Время в менталитете русских воспринимается

как «веретено, вращение, идея круга-цикла» (Г. Гачев). Знание праздников диктовалось не только набожностью, но и хозяйственной необходимостью. Жизнь в тундре, полярная день и полярная ночь – это определенные природно-климатические и трудовые циклы, которые обусловлены хождением солнца и чередованием промыслов. Категория времени лежит в основе самоидентификации русских – «индигирщиков»: по принадлежности времени русские арктические старожилы себя относили к «досельным» (старинным), а пришлых – «тамосным» [18, с. 38]. Река Волга, которую никогда большая часть русских арктических старожил не видела, – не просто для них река, не просто гидроним, сохранившийся в старинных песнях: именование реки «Волга-матушка» отражает культурную память этноса, возводит ее в статус «священного ландшафта», который не утратил своей значимости для «досельного» человека, потерявшего уже физическую связь с рекой-матушкой. Но помнящая культура русских арктических старожил актуализирует новое пространство досельной жизни. Священным ландшафтом для русскоустинцев становится Сендуха-матушка. Она – новый топографический текст культурной памяти русскоустинца, в котором настоящее делается более осмысленным, необходимым в свете истории. В со-бытии с языческими народами Арктики у русскоустинцев появились новые формы взаимодействия со священным ландшафтом. Русские арктические старожилы, как и окружающие их народы-язычники, кормили огонь и воду. Очерк А. Чикачева «Иннокентий-Куаки» свидетельствует об укорененности языческого обряда в Русском Устье: «Интересно было наблюдать за ритуалом распития. Прежде чем разлить по рюмкам, обязательно ложечка водки выливалась в огонь. Затем каждый выпивал по глоточку...» [Там же, с. 134]. Одаривали Сендушного – духа тундры (сендухи). На тальник привязывали цветные лоскутки. На Святки рядились, ходили по домам и пели святочные песни. Они поклонялись Стихеи, и выражалось это в обращении к морю, реке, бросали в воду подарок, говоря при переезде через реку после ледохода: «Матушка Колыма, прими от нас подарочек» [Там же, с. 93].

Сендуха-матушка – это не только тундра, но в целом окружающий природный мир [17, с. 93]. Остановившись в пути, русские арктические старожилы обязательно кормили огонь и оставляли лоскутки на палочках. Сендуха в восприятии русского арктического старожила была объектом одушевленным. Такой вывод можно сделать при обращении к русскоустинской байке «Шаман Уппар»: «Давно на Алазее один старик жил... Со Сендухой, как со своей матерью-ле, сестрой-ле, баял. Чево попросит, все Сендуха ему дает. Хочешь оленя – олень, хочешь песка – песок. Морок надо – морок натянет» [18, с. 62]. Приведенный текст свидетельствует об особом этикете и этике взаимодействия со священным пространством, которые были зафиксированы еще В. Иохельсоном у юкагиров и, вероятно, заимствованы русским населением Индигирки [9, с. 22]. Таким образом, человек не был хозяином в сендухе, это сендуха была или не была благосклонна к человеку. Русскоустинцы благодарили и одаривали сендуху – «где человек огонек топил, где чаек попил, то место три года радуется» [17, с. 93]. Охотники, отправляясь на охоту в сендуху, никогда не употребляли такие слова, как «убивать», «добывать», «промышлять». Обычно говорили: «*пошли* на сендуху», «*поехали* по пастям», «*пошли* караулить». Очевидно, в русскоустинском говоре глаголы движения в пространстве, передвижения приоритетнее глаголов целенаправленного действия.

Священный ландшафт сендухи-матушки невозможно в культуре русских арктических старожил представить без собак. Собака в тундре – это движение, это жизнь. Среди аборигенов Севера индигирщиков называли «собачьими людьми», их поселение – «сердцем “Собачьей страны”» [4, с. 3; 17, с. 24]. Собаки – это неотъемлемая часть картины мира Русского Устья: «Тот, кто имеет больше собак – тот наибольший господин» [16, с. 8]. Собака служила русским тундровикам, была надежным транспортом и участником обрядовой сферы. Проватанную невесту жених в церковь вез на собачьей упряжке, при этом собачью упряжку украшали, по свидетельству А. Чикачева, красным и зеленым сукном [17, с. 80].

Для нас важно указание на цвет собачьей упряжи – красный и зеленый. Наш интерес вызван тем, что цвет – один из отвлеченных способов освоения пространства (Г. Гачев). Цвет имеет, безусловно, ассоциированную символику. Цветовая гамма упряжи весьма показательна и обусловлена ментальной памятью о родине – «Мудреной Руси». Красный цвет символизирует жизнь, праздник, красоту, а зеленый цвет в свадебной упряжке русских старожил имеет семантику продолжения жизни и является символом молодости. Интересно обратиться в этом контексте к быличке «Из жизни Гавриленковых». Там мы найдем символическое замечание рассказчика о его поездке в Приморье: «У нас земля-та белая, а у них все зеленое» [Там же, с. 131]. Свое/чужое проявляется в восприятии цвета: для досельных зеленый цвет, в отличие от белого, был все-таки «тамосным», чужим. Семантика белого цвета, вероятно, близка значениям, которые зафиксированы в слове В. Даля: русские называли белыми «веру, царя и отечество» [8, с. 153]. Очевидно, что во фразе «у нас земля-та белая» зашифрована родина, отчизна, а также ассоциация с понятием свободы, вольности и независимости. Зеленый цвет – для «тамосных», а не «досельных» русских, и ассоциирован с «оживающей природой и зеленеющими растениями» [5, с. 120]. Память о Мудреной Руси сохранилась в том, что собаку называли «скотинкой», а конуру – «стаей». Очевидна вербализация памяти скотоводческой культуры русских. Но между тем, под влиянием аборигенных народов Севера, в культуре русскоустинцев появился еще один культурный феномен: в качестве имени младенца нередко использовали клички собак [17, с. 82]. У русских старожил наблюдался обычай «кормления животных»: при рождении сыновьям давали имя традиционное и кличку собаки. Традиция имела не только утилитарный характер – детей учили ухаживать за собакой, управлять собачьей упряжкой и помогали в несложных работах по дому [15, с. 342; 17, с. 208]. Такой обычай и традицию интересно рассмотреть в фокусе бытийности. Именование младенца кличкой собаки, очевидно, имеет языческое обоснование и воспринято от юкагиров – имя собаки нужно, чтобы дух болезни

принял новорожденного за щенка. Таким образом, ездовая собака в ценностной картине мира русских аборигенов Индигирки занимает особое место [6].

«Собака – белый песец – сендуха» – бытийная триада русских старожилов. Собака в повседневной жизни русских арктических старожилов играла большую роль. «Даже при встречах за чашкой чая зимними вечерами заводили бесконечные разговоры о собаках, об их повадках, о лучших ездовых» и т.п. [16, с. 23]. В письме Алексей Чикачев предлагает уточнение к очерку Валентина Распутина о Русском Устье, которое весьма для нас информативно и поясняет, почему собаку приравнивали к «скотинке»: «Выражение “еще не отвязал собак” не совсем правильное, т.к. когда возвращаются с охоты, собак не отвязывают, а распрягают, т.е. снимают с них альки и сдают на цепи. Поэтому правильнее сказать “еще не распряг собак”...» [18, с. 287].

Жизнь русского арктического старожила, спаянная с сендухой, вербально и поведенчески кодифицирована, потому как следование / не следование неписанным правилам влечет смерть либо сохранение жизни. Причем представления о жизни и смерти у русских старожилов и юкагиров совпадают. Так, по поверьям русских арктических старожилов, душа хорошего человека не умирает с бренным телом, а отделяется и через некоторое время переселяется в новорожденного. Русские старожилы это называют «приходить ояви» [Там же, с. 311-312]. Заметим, что у юкагиров есть сходное представление о переселении души, но они именуют переселившуюся душу *нунни*.

Рассмотрение философии культуры русских арктических старожилов будет неполным без обращения к дихотомии мужское/женское. Это нашло отражение в русскоустыинских поговорках, пословицах и обращениях к стихиям: «И-и, батюшка. Царь – огонь, дай морок – облака...». Дом у русских арктических старожилов также делился на мужскую и женскую половины. Мужчины в женские дела не посвящались. На стол накрывала хозяйка. Обработка шкур и шитье были исключительно женскими занятиями [17, с. 50-51]. Женщина-русскоустыинка должна рыбу ловить, на охоту ходить, ездить на собаках. «Женские ежедневные хлопоты начинались с разведения огня ранним утром и заканчивались лишь с отходом ко сну» [18, с. 32]. Рождение мальчика в семье русских арктических старожилов приоритетнее, чем девочки. И соответственно, статус женщины в обществе русских арктических старожилов ниже, чем мужчины: «Не лезь, баба, в мужское дело»; правый угол в доме, так называемое «переднее место», принадлежало мужчине, а левый – женщине, на левой стороне дома был «бабий стол», за которым питались женщины [17, с. 84-85].

Изложенный материал – начальный этап в изучении кодов «помнящей культуры» русских старожилов Арктики через систему традиционных представлений о мире и человеке в нем. Декодирование культуры русских старожилов через обращение к изустной традиции (русскоустыинским байкам, образцам «наивного письма», зафиксированного нашими предшественниками), краеведческим описаниям и лингвистическим исследованиям позволило нам ввести понятие «помнящая культура» в отношении аутентичной арктической культуры русских на Индигирке. В частности, мы выявили, что их ценностная парадигма культуры и хронотопы бытия сопряжены прежде всего с «сендухой»-тундрой, дихотомией мужской/женский миры, досельный (старинный) / тамосный мир. Также мы выявили, что не утрачены по сию пору значимость высказанного Слова, православная вера, равно как и само отношение к ездовой собаке, которую они называют «скотинкой». Все это – в основе самоидентификации русскоустыинцев, которые сохранили «досельность» и в бытии с юкагирами сформировали особый тип культуры, уходящей корнями во времена «Мудреной Руси» XVI века. Это еще раз подтверждает аксиому – национальная идентичность формируется в процессе диалога с Другими. Очевидно, что бытийный императив досельных людей – не пытаться активно, даже в лучшую сторону, изменить существующее положение вещей и окружающий мир, а увидеть в этом гармонию и приспособиться, сохранился по сию пору. Полагаем, что в будущем весьма перспективным будет обращение к понятию «национальный дискурс», изучение «этнических констант» (С. Лурье), реалий повседневной жизни как примет национальной культуры и выход на изучение защитных механизмов культуры этноса во всех ее проявлениях. Это и есть, на наш взгляд, один из новых подходов в разработке модели устойчивого развития Арктики, и только тогда модель будет не только технократична, но антропоцентрична.

Список источников

1. **Ассман Я.** Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 365 с.
2. **Бердникова Т. А.** Русские старожильческие приметы: исконное и заимствованное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meridian-journal.ru/articles/russkie-starozhilcheskie-primetyi-iskonnoe-i-zaimstvovannoe/> (дата обращения: 10.01.2018).
3. **Биркенгоф А.** Потомки землепроходцев. М.: Мысль, 1972. 121 с.
4. **Винокурова Л.** Предисловие // Чикачев А. Г. Ездовое собаководство Якутии. Якутск: Издательство СО РАН, 2004. С. 3-5.
5. **Воевода Е. В.** Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 2. С. 113-123.
6. **Врангель Ф. П.** Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820-1824 гг. М. – Л.: Издательство Главсевморпути, 1948. 139 с.
7. **Гачев Г.** Ментальности народов мира. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. 544 с.
8. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 700 с.
9. **Иванов А. М.** Традиционная экологическая этика юкагиров (иерархия ценностей): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1995. 24 с.
10. **Кассирер Э.** Философия символических форм: в 3-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 3. Феноменология познания. 398 с.

11. **Малыгина И. В.** Идентификационный ресурс культурной памяти: от «Помнящей культуры» к «Культуре забвения» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/identifikatsionnyy-resurs-kulturnoy-pamyati-ot-pomnyashey-kulturny-k-kulture-zabveniya> (дата обращения: 20.12.2017).
12. **Распутин В. Г.** Русское Устье // Полярная звезда. 1988. № 3. С. 3-19.
13. **Распутин В. Г.** Эти двадцать убийственных лет: беседы с Виктором Кожемяко. М.: Эксмо, 2012. 317 с.
14. **Тельнов И.** Старинные люди у холодного океана. Якутск: Цумори пресс, 2012. 38 с.
15. **Фольклор Русского Устья** / отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 382 с.
16. **Чикачев А. Г.** Ездовое собаководство Якутии. Якутск: Издательство СО РАН, 2004. 47 с.
17. **Чикачев А. Г.** Русские в Арктике. Новосибирск: Наука, 2007. 300 с.
18. **Чикачев А. Г.** Русское сердце Арктики. Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2010. 478 с.

RUSSIAN ARCTIC'S OLD-TIMERS: PHILOSOPHY OF "MEMORY CULTURE"

Khazankovich Yuliya Gennad'evna, Doctor in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
hazankovich33@mail.ru

Ethical conception, value system of the Russian Arctic's old-timers is a poorly investigated field. The research objective presupposed the comparative-historical and typological approaches to analysing folkloric, ethnographic data on culture and mythological beliefs of Russkoye Ustye residents. Relying on Jan Assmann's theory the author actualizes the "memory culture" conception in relation to authentic culture of the Russian Arctic's old-timers. Value paradigms of culture, the first settlers' chronotopes are identified. Tundra-sendukha, co-existence with the Yukaghirs formed a special type of culture, which preserved the archetypal features of the Russian authentic culture tracing its origin back to "Motherland Russia" of the XVI century.

Key words and phrases: Russian old-timers; Chikachev; tundra; Orthodox belief; Arctic; Yakutia; memory culture.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 21.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.36>

Статья посвящена анализу творческой стратегии медиахолдинга «КоммерсантЪ» («Ъ») в период 80-90-х гг. XX века. В ходе исследования автор пришел к выводу о том, что основу творческой стратегии «Ъ» составляет метод «остановки мира», представляющий собой ядро оккультно-эзотерической концепции К. Кастанеды, под влиянием которой находился основатель медиахолдинга В. Яковлев. Данную концепцию автор квалифицирует как часть деструктивного гностическо-постмодернистского тренда, атакующего целостность и устойчивость бытия, логоцентризм и универсализм.

Ключевые слова и фразы: деструктивные стратегии; медиа; гностицизм; журналистика; медиадиагноз.

Цуканов Евгений Александрович, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
tsukanov_1975@inbox.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ГНОСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ «ОСТАНОВКИ МИРА» В ТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ МЕДИАХОЛДИНГА «КОММЕРСАНТЪ»

Тот колоссальный общественно-политический переворот, который совершился в России в 90-е годы прошлого века, едва ли стал бы возможен без интенсивной вербально-коммуникативной деятельности, предпринятой силами новых так называемых либерально-демократических медиа, к коим в первую очередь необходимо отнести качественную деловую газету буржуазного типа «КоммерсантЪ» [14].

«КоммерсантЪ» изначально позиционировал себя как абсолютную альтернативу советской журналистике, в которой, как мы помним, при всей онтологической глубине доминировал достаточно конъюнктурный подход к обязанностям средств массовой информации как пропагандиста, агитатора и организатора масс в деле строительства коммунизма. «Ъ» принципиально отвергает красную идеологию и занимает иную нишу непредвзятой журналистики факта с акцентом на полную объективность подачи новостей. Не так важно, что в реальности это не совсем получалось, важна заявка на принципиальное неприятие старых большевистских принципов и подходов в медиадеятельности.

В 80-90-е гг. XX века «КоммерсантЪ» формирует новый дискурс как единство слова и практики, текста и жизни. Мы солидарны с Е. В. Переверзевым и Е. А. Кожемякиным, которые определяют это понятие как «произведенную в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованную и тематически сфокусированную последовательность высказываний, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение» [11, с. 76]. В дискурсе «Коммерсанта» уже доминирует капиталистическая мораль и индивидуалистический взгляд на повседневность. Учредитель «Ъ» В. Яковлев не отрицает, что коммерсантовцы в буквальном смысле участвовали в сломе старой и конструировании новой парадигмы реальности [4].